

ЗИНАИДА ГИППИУС

ХЛЕБ ЖИЗНИ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Хлеб жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25904142

Аннотация

«Знаю, меня упрекнут в легком, поверхностном отношении к вопросу громадной важности. Но ведь я не берусь ничего решать; я только выскажу свои, может быть, отрывочные мысли, с осторожностью касаясь предмета, который, конечно, требует серьезного и специального изучения. Пусть же простят мне люди, отдавшие себя жизни, запятые тем, как напитать своих братьев хлебом телесным, удрученные мыслью о всеобщем равенстве, количестве рабочих часов и т. д. Они не сочтут себя моими единомышленниками; а между тем, мне кажется, что они правы, если, ни в чем не изменяя своих мыслей, еще прибавят к ним нечто, логически необходимое...»

Содержание

I	4
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Хлеб жизни

I

Знаю, меня упрекнут в легком, поверхностном отношении к вопросу громадной важности. Но ведь я не берусь ничего решать; я только выскажу свои, может быть, отрывочные мысли, с осторожностью касаясь предмета, который, конечно, требует серьезного и специального изучения. Пусть же простят мне люди, отдавшие себя жизни, запятые тем, как наплатить своих братьев хлебом телесным, удрученные мыслью о всеобщем равенстве, количестве рабочих часов и т. д. Они не сочтут себя моими единомышленниками; а между тем, мне кажется, что они правы, если, ни в чем не изменяя своих мыслей, еще прибавят к ним нечто, логически необходимое.

Те же, кто считаются моими единомышленниками, — упрекнут меня в другом: они скажут, что я повторяю старые, известные мысли, сделавшиеся общими местами. Потому что я буду говорить о хлебе для тела и хлебе для духа, о их равноправности, равнонеобходимости в каждый данный момент для каждого человека, о их фактической жизни. А для этого уже есть готовые, часто повторяемые слова и фразы:

«Надо соединить жизнь и религию! Надо освятить жизнь! Надо религию сделать жизненной! Надо все любить!»

Отличные слова. И как будто даже ясные. Как будто даже и рассуждать дальше нечего, а прямо приступить к действию, к воплощению слов: начать освящать жизнь, начать любить все и т. д.

А между тем никаких начинаний мы не видим; никаких воплощений нет. Мысль, в истинность которой мы верим, не может сделаться для нас слишком известной, старой – до своего воплощения; вернее – предположить, что она молодая, что мы ее не знаем. И действительно, бывают слова ужасно милые и хорошие, но с притворной ясностью. Они опасны, они гипнотизируют, особенно, когда их часто повторяют: давно веришь, что им веришь, и даже того не понимаешь, что их не понимаешь. Это – догадки, пусть верные, – но все-таки догадки. Для того же, чтобы слова и догадки сделались мыслью, и для понимания мысли, – нужна возможность последовательных представлений. То есть если это – ступень, то чтобы и лестница существовала, а иначе это будет лишь перекладина где-то вверху, в воздухе, виселица или... насест. Боже меня сохрани, сравнить действительно глубокое сочетание слов: «Надо соединять религию и жизнь» – с такими перекладинами; ведь об этих-то словах я и буду говорить; а думаю только, что не лишнее нам посмотреть, каковы нижние ступени лестницы, к ним ведущей, понять, что мы, повторяя хорошие слова, – не знаем, в сущности, ни какую ре-

лигию подразумеваем, ни какую жизнь, ни как их соединять, ни того даже, почему это «надо». Мы все хотим что-нибудь сделать; но, не зная, что делаешь, можно делать, а сделать ничего нельзя.

И я иду навстречу суждениям и осуждениям моих «единомышленников», говорю о первых, самых наземных, ступенях, хотя, может быть, и придется мне говорить о вещах известных, о словах, уже произнесенных. О, эти старые слова, милые – и самые страшные – притворно-ясные! «Надо любить всех»... «все»... «надо начать любить»... Любить! Вот, кажется, самое старое, известное, понятное слово; а какой человек, если он искренен перед собою, скажет: я понимаю, что оно значит? Но не отвлеченными, пока неразрешимыми, вопросами я буду заниматься. Я хочу говорить о человеческой природе, об ее здоровых потребностях, о моменте нашего теперешнего сознания и о том, как сделать, чтобы нам жить было лучше. Словом, о том, что должно быть, – на основании того, что есть.

II

Что же есть?

Есть люди. Есть их история.

История – рассказ о человеческом голоде. В самом деле, история, – равно и теперешнее наше наблюдение над жизнью, – говорит нам только о том, как люди хотели есть, как стремились утолить голод, как достигали или не достигали утоления. Всегда в них было два голода, органически связанные, и утоление, – или подобие, или предчувствие его, – достигалось лишь там, где между ними сохранялось наибольшее равновесие, где они более были слиты. Действительность голода похожа на общепринятую, может быть, отчасти условную, двойственность самого человека. Тело – и дух. Казалось бы, это для нас – одно; мы не можем себе представить ни человека без духа, ни человека без тела; а между тем и понятие двух существует, ибо оно верно. Так, мы всегда видим сосуд – его внешние стенки; и всегда знаем, что есть внутренние стенки; они разнятся, но сосуд один. Из этой простой, азбучной единойдвойственности человеческой природы, как следствие, такая же единойдвойственная потребность – двойной голод, одинаковой силы, дающий равные, хотя, может быть, различные страдания, когда он не утолен. Мало того: двойственный голод только тогда не причиняет смерти, когда он утоляется одновременно, ибо всякая се-

кунда полного разрыва единодвойственности для природы человеческой смертельна. Повторяю, мы можем лишь видеть внешние стенки сосуда; он долго еще кажется нам целым, когда разрушение начинается с внутренних; по ведь это одно вещество, и смерть пройдет насквозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.